

Сухаревка. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelstamjoseph.ru/> приятного чтения!

Сухаревка. Осип Эмильевич Мандельштам

Сухаревка не сразу начинается. Подступы ее широки и плавны, и постепенно втягивает буйный торг в свою свирепую воронку. Шершавее мостовая, буграми и ухабами вскипает улица; видно, не терпится Сухаревке – уже раскидала свои манатки – прямо на крупной мостовой: книжки веерами, игрушки, деревянные ложки – что полегче и в руках не горит. Пустяки, равнодушный товар...

На отлете базара сидят на бочках цирюльники; чисто и крепко бреют двужильных стратотерпцев. Табуретки, что каленые уголья – а не вскочишь, не убежишь.

Под самой Сухаревой башней, под башней-барыней, из нежного и розового кирпича, под башней-индюшкой, дородной, как сорокапятилетняя государыня, к чахлому деревцу привязана холмогорская корова. Когда строили башню, кончался огородный XVII век. Построил ее Петр с перепугу, увидев дурной сон, и на радостях, что все обошлось благополучно, вывел на огородной земле диковинную гражданскую постройку: не цейхгауз, не каланчу, а нечто сухопутное до мозга костей, где обучали морскому делу.

Сухаревка – земля огородная, ничего, что ее затянуло камнем, под ним чувствуется скупой и злой московский суглинок и торговля бьет из-под земли, как порождение самой почвы.

Дикое зрелище – базар в середине города: здесь могут разорвать человека за украденный пирог и будут швыряться им, как резиновой куклой; здесь – люди тесто и хочешь – не хочешь, будут тебя месить чьи-то жилистые руки.

Как широкая баба, навалится на тебя Сухаревка – недаром славится Москва своих базаров бабьей шириной; плещется злой мелководный торг в зелено-желтых трактирных берегах; слева же подковой разбежался пустой шереметьевский двор, здание легкое и крылатое, как белая девичья ступня. Базар, как поле, засеянное в разбивку то рожью, то овсом, то гречью – размежеван, разлинован, изрезан тропинками – и закрыв глаза, по одним запахам, по испарениям можно сказать, какие грядки ты проходишь. То запах свежей убоины мускусом и здоровьем ударяет в голову – нестрашный запах животных трупов, потому что мы не хотим понимать его значения; то квадратный запах дубленой кожи, запах ярма и труда – и тот же – но смягченный и плутоватый запах сапожного товара; то метелочкой петрушки и сельдерея защекочет невинный запах зеленых рядов, или сырой и круглый запах рядов молочных.

Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку. Разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов – но никогда я не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие Сухаревских торгашей. Это какая-то помесь хорька и человека, подлинно "убогая славянщина". Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свертках оберточной бумаги.

Говорят, муж от долгого сожительства становится похожим на жену. Если присмотреться – и купец похож на свой товар: всех спокойнее и благообразнее лабазники: все текуче – один хлеб остается.

Лица мясников говорят о сметке первобытного хирурга – они сложнее, подвижнее, добродушнее; мускульная игра, неизбежно сопровождающая их работу; свежевание туши и рубка мяса с плеча, на глазомер, наложило на них отпечаток.

Женщины-мануфактурщицы, торгующие булавочной мелочью, заострили лица и поджали тонкие губы.

И здесь отдыхаешь на смуглых и открытых лицах каких-то кавказских чертенят, ковыряющих ваксу с блаженным смехом.

Медленно раскачивается Сухаревка, входит в раж, пьянеет от выкриков, от хлыстовского ритуала купли-продажи. Уже кидает человека из стороны в сторону только выбрался он из одной ручной толкучки, преследуем сомнительными двуногими

Сухаревка. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
лавками, как понесло его одним из порожистых, говорливых ручейков и прибило к тупику – и, оглушенный граммофонами, он уже шагает через горящие примусы, через рассыпанный на земле скобяной товар, через книги.

Книги. Какие книги. Какие заглавия: "Глаза карие, хорошие", "Талмуд и еврей", неудачные сборники стихов, чей детский плач раздался пятнадцать лет назад.

Тут же уголок, напоминающий пожарище, – мебель как бы выброшена из горящего жилья на мостовую: дубовые с шахматным отливом столы, ореховые буфеты, похожие на женщин в чепцах и наколках, ядовитая зелень турецких диванов, оттоманки, рассчитанные на верблюда, мещанские стулья с прямыми чахоточными спинками.

Удивленный человек метнулся обратно – чуть не наступил на белую пену кружевных оборок, взбитых как сливки, и сам не зная как, очутился среди гармонистов, словно подыгрывающих к чьей-то свадьбе, разворачивая лады вежливым извиняющимся движением – так, что в воздухе висит гармонный плач.

Есть что-то дикое в зрелище базара: эти десятки тысяч людей, прижимающих к груди свое добро, как спасенного из огня ребенка. Базар всегда пахнет пожаром, несчастьем, великим бедствием. Недаром базары загоняют и отгораживают, как чумное место. Если дать волю базару, он перекинется в город и город обрстет шерстью; а пока он напоминает о себе серой, неожиданной оберточной литературой, этими кулками и мешочками, которые оказываются то житием святого, то сборником диких анекдотов, то уставом какой-нибудь давно отжившей службы.

Но русские базары, как Сухаревка, особенно жестоки и печальны в своем свирепом многолюдстве. Русского человека тянет на базар не только купить и продать, а чтобы вывалиться в народе, дать работу локтям, поневоле отдыхающем в городе, подставить спину под веник брани, божбы и матерщины; он любит торговые петушинные бои и крепкое слово, пущенное вдогонку. В городе говорят лениво. Здесь живая речь – говорок, – средство защиты и нападения, – словно ручной хорек шныряет под лавками; базарная речь, как хищный зверек, сверкает маленькими белыми зубками.

Такие базары, как Сухаревка, – возможны только на материке – на самой сухой земле, как Пекин или Москва; только на сухой срединной земле, которую привыкли топтать ногами, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю.

Несколько пронзительных свистков – и всё прячется, упаковывается, уволокивается, и площадь пустеет с тою истерической поспешностью, с какой пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила колючая метла страха.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> интернет магазин, сайт интернет магазин одежды интернет магазин обуви интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!